

ДАВАЙ ПОГОВОРИМ

Рассказ

**АЛЕКСАНДР
ГРЯЗЕВ**

ГРЯЗЕВ Александр Алексеевич родился в 1937 году в поселке Лондоко Хабаровского края. Детство прошло в селе Железный Борок Буйского района Костромской области. Служил в парашютно-десантном полку в городе Пскове.

Работал на Череповецком металлургическом заводе. Окончил Московский историко-архивный институт и Высшие театральные курсы (драматургия) при ГИТИСе. Автор нескольких книг прозы и пьес.

Член Союза писателей России.
Живет в Вологде.

*«Обыкновенный русский человек,
Каких у нас в России миллионы
Обыкновенный русский человек,
В свою страну по-рыцарски
влюбленный!»*

Из песни 50-х годов XX века.

В этот пивной бар на нашей городской окраине я заглядывал редко: находился он на первом этаже большого многоэтажного дома у самого автобусного «кольца», до которого, добираясь из центра домой, я почти никогда не доезжал, выходя на две остановки раньше. Но сегодня я решил проехать именно до «кольца», погулять там по окрестностям, а заодно и пивка пропустить кружечку-другую в том самом баре.

Выйдя из автобуса, я огляделся. Метрах в ста от асфальтового пяточка разворота начинались деревенские огороды и дома пригородного села. А там, где еще в прошлом году было хлебное поле, стояли рядами новенькие кирпичные гаражи, недалеко от которых возвышались такие же новые пятиэтажки.

«Ах, гордо село таранит!» - пришли на ум давние рубцовские строчки. Может, потому, что я очутился на той самой грани «меж городом и селом»...

Гулять расхотелось, и я направился к пивному бару.

Была середина дня, и пивом наслаждались немногие посетители. Это вечером после рабочего дня здесь будет шумно и дымно: мужики по пути с работы домой обязательно завернут сюда охладить горячие души, а уж поговорить при этом - нет ничего важнее.

Впрочем, я посетителем особо и не рассматривал, а, подойдя к стойке бара, взял кружку пенистого янтарного напитка, которую мне наполнила молоденькая ясноглазая девица, и сел за свободный стол у самого окна, за которым суетилась городская улица с небольшим рынком как раз напротив бара. Пиво всегда располагало к неспешному размышлению, но не успел я сделать и первые прохладные глотки, как к моему столу подошел с кружкой же пива небольшого росточка пожилой мужичок в легкой светлой куртке.

- У тебя свободно? - спросил он и неожиданно добавил: - Давай поговорим.

- Свободно, - кивнул я. - Садись, поговорим.

Мне показалось, что я где-то уже видел этого человека, но сразу никак не мог вспомнить.

- Яша, - протянул руку мужичок и сел на стул напротив меня.

Я назвал себя и тут же, услышав имя, вспомнил, где его видел. Передо мной сидел Яша-Антисемит...

...Было такое время, хотя и в прошлом уже веке, но не столь от нас далекое, когда водку в магазинах нашего города вдруг стали продавать только до семи часов вечера, объясняя это борьбой с пьянством и алкоголизмом. И вот с таким решением городских властей этот Яша никак не мог смириться. Он выступал перед очередями мужиков у винных лавок и магазинов, призывая идти с протестом к городскому комитету властвующей тогда партии, собирал подписи под сочиненным им же письмом в редакции местных и центральных газет.

Все, помнится, с ним соглашались, но никто делом Яшу не поддерживал и никуда с ним не ходил. А он все равно не успокаивался и продолжал выступать против продажи водки только до семи вечера.

Яша еще долго бегал по этажам власти и даже, говорят, попал на прием к какому-то, приехавшему в город, высокому московскому чину. Но все было бесполезно. Правда, власти какое-то время экспериментировали с продажей водки: жаждающим ее стали продавать до десяти часов вечера, а потом ввели даже талоны на спиртное. Яшу же с той поры прозвали «Антисемитом». Говорили еще, что он когда-то преподавал в местном политехе, но по какой-то причине из института ушел.

Лично я его не знал и говорить нам сейчас, казалось, вроде бы не о чем, хотя Яша, очевидно, был из тех мужиков, которые быстро сходятся с людьми и для которых каждый встречный человек - товарищ и брат. И я не ошибся.

- Давно тут у нас живешь? - спросил Яша.

- Да нет. Недавно переехал из центра.

- А что так? Квартиру получил?

- Нет... Разъехались с дочкой. Мы с женой сюда, а они в центре остались.

- Надо же! - удивленно воскликнул Яша. - И у меня почти такая же история. Только мы с младшим сыном разделились. Никак жена моя с молодой сношкой на кухне ужиться не смогли. Вот и пришлось разбежаться... На пенсии?

- Да, недавно вышел.

- Я тоже на пенсии. Уже третий год. Ну и как тебе живется теперь?

- Да как и всем обманутым трудовым пенсионерам. Я ведь чиновником не был.

- Да, у чиновных пенсия достойная, - согласился Яша. - А нашего брата власти стригут от хвоста до гривы.

- Это я уже почувствовал. Не успеваем и шерстью обрасти.

- Так ведь шерсти не будет - брить начнут. Господам во власти, особенно тем, кто из грязи вышел в князи по-господски и жить охота. Они говорят, что если мы с тобой хорошо жить будем, то страна наша бедной станет... Перед мировым сообществом им за это неудобно, видите ли. Вот и обдирают рядового человека.

- Но мы, рядовые, и сами виноваты, что нас так стригут, да по три шкуры дерут.

- Почему?

- Молчим потому что.

- Так-то оно так. Но что толку в разговорах?

- Я имею в виду не только разговоры.

- Понимаю... Я все это уже давно прошел. И говорил, и выступал, и демонстрации устраивал и письма в Москву писал. Одно даже в Мавзолей Ленину. Только по другому поводу.

- Помню... Я тогда тоже в центре жил.

- Помнить? Ну вот. А что толку? Только кличку «Яшка-Антисемит» и заработал.

- Как что толку, - не согласился я. - Теперь вина и водки столько, что пей хоть в три горла. Причем - круглосуточно.

- Ну это уже не моя заслуга, а людей, как говорится, власть держащих. Они и спаивают народ православный. Я, хоть и поздно, но понял, что водка тоже наркотик. А власти наши этого до сих пор не признают. Отсюда и все беды наши... А ты на выборы-то ходишь?

- Хожу.

- А я давно туда дорогу забыл.
- Что так? Ведь это как раз и есть дело, а не разговоры.

- Я в этом деле разочаровался. Сперва было так: за кого я голосовал, тот никогда не побеждал. Потом в газетах прочитал как-то о доходах кандидатов в верховную власть, где почти у всех по миллиону на сберкнижках. Вот тогда я впервые и голосовать не пошел.

- А почему? Ты против миллионов на сберкнижках? А если они честно заработаны?

- Честно заработанные миллионы - это такая редкость... Не нами ведь сказано, что от трудов праведных не построишь палат каменных... Я не против миллионов на банковских счетах, но я никогда не поверю, что, придя во власть, миллионер будет заботиться о нас, рядовых грешных.

- А если миллионер - благотворитель? Если он своими миллионами людям добро делает? Есть ведь и такие.

- Ну тогда и разговор другой... Да, есть такие ребята. Но их во власть не больно-то и пускают, а другие и сами туда не идут.

- Капитализм и демократия несовместимы?

- Да какая может быть демократия на рынке?! Когда человек человеку - волк. Даже брат брату, а сын отцу. Где царствует дух наживы, там нету места духу братства. Какая уж тут демократия! И все, кто говорит о ней - лицемеры.

- Так что же делать? Как-то ведь надо возродить Россию.

- Возродить?!.. Конечно надо. Только вот с кем сейчас ты будешь это делать?

- Как с кем? Вместе со всем народом.

- А кто сейчас народ?

- Как кто? Ты, я, все мы...

- А ты погляди вокруг и подумай... Воры, бандиты, мошенники - это народ? А проститутки, бомжи, алкаши и наркоманы - народ? А бесноватая молодежь на рок-концертах или футбольные фанаты на стадионах - тоже народ? А продажные чиновники и разного рода начальники - те и вовсе живут на верхних этажах. Они что - тоже народ? Нет, нет и нет! Они все уже давно вышли из народа и стали просто населением. Остались только работяги, сельские жители, пенсионеры, да те, кто в церковь ходит... Вот возьми хотя бы этих мужиков, - кив-

нул Яша на посетителей бара. - Выведи, их на улицу, построй и объяви, что сейчас пойдём возродить Россию. Они согласятся и пойдут... Но только опять сюда, в пивную.

Возразить Яше мне было нечего да и не понабилось. К нашему столу подошел мужичок в засаленной, неопределенно цвета куртке, держа в руках недопитую кружку пива. Лицо его, заросшее недельной щетиной с проседью, счастливо улыбалось и глаза радостно светились.

- Привет антисемитам! - весело произнес мужичок.

- От антисемита слышим, - также весело ответил Яша. - Здорово, Саня! Как жизнь?

- Как в Польше: у кого денег больше, тот и пан.

- Это Саня Смирнов, - представил мне мужичка Яша. - Старожил сего заведения.

Мы поздоровались.

- Точно так. Первооткрыватель, - подтвердил Саня. - А я сижу вон там с мужиками, а потом думаю: дай подойду.

- Ну и правильно сделал. О чем там ребята шумят?

- Да как всегда. О том, что такое демократия и как с ней бороться... Я вам не помешал?

- Ну что ты, Саня. Садись, да заодно и соври чего-нибудь.

- Обижаете, Яша. Когда я тебе врал?

- Ладно, ладно. Не будем уточнять... Что-то я тебя, брат, давно здесь не видел. Где пропадал?

- Так отдыхать ездил.

- На Канарские острова?

- Шутишь? Я чего тебе - муж Елизаветы Егоровны?

- Кто такая?

- Как это кто? Английская королева.

- А, ну да, - смеясь согласился Яша. - А ты похудел, однако, на отдыхе-то.

- После санатория я на диету пенсионера сел, а на ней маргарином не обрастешь.

- Что за диета?

- Записывай: суп «Светлана» - это когда почти одна вода, чай в приглядку и пироги ни с чем.

- Знакомое меню. Добавь сюда еще кильку в собственном поту... Демократия, однако. Новый образ жизни... Что и говорить, в странное время живем: одной ногой все еще, якобы, в социализ-

ме стоим, а другой в капитализм вляпаться. Вопрос только в том, как долго мы в раскорячку стоять будем? А, Саня?

Ну, наше дело не рожать. Наше дело только ждать.

А чего ждать? Как всегда лучшей жизни, которую нам принесут на блюдце!

- Не-не знаю, Я-я-яша. Но хо-хо-тедось бы и х-х-хо-хорошо по-пожить, - неожиданно заикаясь, заговорил Саня.

- А чего это ты вдруг за-заикался-то? - удивленно произнес Яша. - Случилось что, или выпивал вчера без пищевой добавки.

- Не-н-нет, я за-закусывал, вроде... Про-просто ка-ак вспомню один с-с-случай, рас-строюся и с-с-сразу за-за-заикаюсь на-на-начинаю.

- Что за случай? Расскажи нам.

- Я ведь тебе говорил, что о-о-отдыхать е-е-ездил?

- Ну.

- Так вот, пу-путевку мне, это з-значит, се-се-сестра ку-купила в са-санаторий «Ста-старый источник». Здесь не-недалеко под городом...

- Знаю, бывал. Хороший санаторий, - кивнул Яша.

- Н-ну да... По-поехали мы, это значаичит, о-отдыхать. Я, моя се-сестра и ее... ка-как это, друг...

- Бойфрэнд по-нынешнему.

- Н-ну да, д-друг по постели... При-приехали в са-са-наторий. День о-отдыхаем, два о-отдыхаем, три о-отдыхаем... Я ху-худею, се-сестра ху-худеет, д-друг по постели се-сестры то-тоже худеет. По-ошли к до-октору. Доктор по-осмотрел, говорит: надо пить козье мо-молоко... Ну мы в со-седней де-деревне у ка-каких-то му-мужиков ку-купили козу. Я до-доить не у-умею, се-сестра до-доить не-не умеет, друг по постели се-сестры тоже не умеет. Стали со-сосать... День со-се-сем, два со-сем, три со-сем. Я ху-дею, се-сес-тра ху-худеет, друг по постели се-сестры тоже ху-худеет. Повели ко-козу к до-доктору. Доктор по-осмотрел, говорит: это козёл...

- Ну и каков финал? - смеясь, спросил Яша.

Я тоже не выдержал и расхохотался.

- А что финал, - вполне серьезно ответил Саня. - Се-сестра за-заберемене-ла, друг по-по постели се-сестры в боль-нице, а я вот за-заикаться стал.

- Хорошо врешь, Саня. Я давно гово-

рю, что в тебе пропадает артист разгово-рного жанра.

- А когда я тебе врал? - совсем не заикаясь, сказал Саня.

- Ладно, ладно. Скажи лучше: а себе там, в санатории, ты подругу не завел? Сейчас ведь все просто. Познакомился - и сразу в постель. Так?

- Да все было, Яша. Там этого добра... - Саня махнул рукой. - И ты знаешь, чего я заметил?

- Ну?

- Сейчас постель даже не повод для знакомства.

- Ну, знамо дело, не наши времена. Вот, помню, когда со своей благоверной гулял, то и мне однажды сладкого захотелось. Я где-то в уголке её и прижал. А она: ничего, говорит, у тебя не получится, не лезь и даже не мысли. Вот, говорит, замуж возьмешь, так хоть ложкой хлебай.

Яша опять расхохотался, а Саня вдруг засобирался от нашего стола.

- Пойду я, мужики. Спасибо за компанию. Мне ещё кое с кем поговорить надо.

- Давай, Саня, будь здоров, - подал Яша руку приятелю, а когда тот отошёл, обернулся ко мне. - Хороший мужик, ве-сёлый. Только у него бывает недержание речи. Каждый день новая история. Где их только и берет?.. Ну, что, может быть, еще по кружечке?

Я согласился, протянул Яше деньги, и он направился к стойке бара, а когда с полными кружками возвещался обратно, то у самого стола с ним едва не столкнулись два шустрых мальчугана, ворвавшиеся в бар и подбежавшие к витрине со сладостями.

- Эй, орлы!.. Чуть с ног не сбили... Иго-ряха?! - узнал Яша одного из мальчишек. - Ну-ка иди сюда...

- Чево? - спросил мальчик в кепке с длинным козырьком, надвинутым на левое ухо, и подошёл к Яше.

- Это ты меня спрашиваешь? А я у тебя хотел узнать про то, что ты тут делаешь? Ты ведь в школе должен быть.

- А мы с Димкой с последних уроков сбежали.

- С каких?

- С литературы, да истории.

- Учебный год только начался, а вы уже с уроков бегаете. С уроков вообще уходить нельзя, особенно с этих. Иначе митрофанушками вырастите.

- Какими?
 - Это ты у своей учительницы по литературе спроси... Неучами, значит... Сей отрок - мой сосед Игоряха из нашего подъезда, - пояснял мне Яша и продолжил свой разговор: - Козырек-то за чем на самое ухо повернул?

- Не знаю. Сейчас все так делают.
 - Помню, в мои детские годы таких ребят с козырьком на одно ухо у нас в деревне дурачками звали.

- Сейчас время другое, - молвил Игоряха.

- Да-да... дурацкое... Я слышал, что мамашу твою опять в школу вызывали.

- Ага, вызывали.

А что случилось? Чего на этот раз отмочил?

- Да я по физике отвечал...

- Ну?

- Ну, училка меня и спросила: как по-другому можно назвать ёмкость для воды?

- А ты?

- Я говорю - презервуар.

- А она?

- Она говорит, что не «пре», а «ре»...

- А ты?

- А я говорю: ну тогда резерватив... Она меня из класса и выгнала.

- Правильно сделала. И кто тебя так отвечать научил?

- Папка.

- Где он сейчас?

- Наверно, пьяный дома лежит.

- А чего он не работает?

- Говорит, что у них завод остановился. Работы нет.

- А вы куда направляетесь?

- Мы жвачки купим и пойдем к Димке мультики по телевизору смотреть.

- Хорошие или американские?

- Не знаю. Что покажут, то и будем.

- Ладно, бегите. А жвачки тут не берите. Вот вам лучше по конфете. - Яша полез в широкий карман своей летней куртки. - Где-то были... У дядюшки Якова много товара всякого - каждого жита по лопате... Ага, вот, нашёл. Держите, да сюда больше не ходите.

Яша подал конфеты-карамельки ребятам, и они побежали из бара.

- Тупой мальчик, - сказал Яша, глядя на убегающего юного соседа. - Но академиком будет.

- Академиком? - настала очередь удивиться и мне словам собеседника. - И какой же академиком?

- Так ведь их много сейчас развелось. Ну, например, одна из самых смешных - академия телевидения. Там очень много тупоголовых.

- Не скажи, - возразил я. - Там умно научились оболванивать людей разными шоу, пошлой эстрадой и враньем.

- Что и говорить, вранья там предостаточно. Но в этом-то и есть их тупоголовость. Ведь за всё своё вранье им когда-то придётся отвечать. Тем более, что они ведают, что творят. А входят они в каждый дом. Поэтому...

Договорить Яше не удалось: у нашего стола, как из-под земли явился ещё один посетитель бара. Он был заметен навеселе, да к тому же ещё и пел:

- Я был в прошедшую войну убит прямой наводкой. С тех пор всё время от меня немножко пахнет водкой, - закончил куплет своей песни мужик и протянул руку Яше. - Здорово, Яша! Давай поговорим! Можно?

- Нет, Юра, сейчас не могу, - пожал Яша протянутую руку. - Видишь, уже разговариваем.

- Молчу, характер мягкий, - кивнул Юра.

- Ты извини, Юрок. В другой раз поговорим. Лады?

- Понял, Яша, понял... Я ведь не дурак - у меня справка есть... Ухожу, ухожу, ухожу.

Небритое, с опухшими подглазьями лицо мужика не выражало никакой обиды, и он, напевая, направился к другому столу.

- Жалко мужика, - вздохнул Яша. - А я ведь ещё деда его помню. Фронтовика, танкиста... Мы жили рядом. Тот, бывало, когда выпьет, тоже запоёт свою любимую: «Я из боя вышел, командир пропел: почему ты, Ваня в танке не сгорел? Очень извиняюсь, я им говорю, в следующей атаке обязательно сгорю»... Споёт и заплачет... Сын его, Юркин отец, в Венгрии в пятьдесят шестом лиха хватил, сам Юрка в Афгане чуть не сгинул, а сын его из Чечни пришел без ног... Теперь Юрка и поёт свою песню. Такая вот преемственность поколений. Жуть!

Сегодня так же или иначе многие страдают. И что же делать?

- Жить, конечно. Как жили наши предки и до нас. И тоже страдали.

Но сейчас рядовому человеку каждый, считай, днем, жить все труднее становится. Если так и дальше будет, то...

- Если так будет продолжаться и дальше, - подхватил мои слова Яша, - то в один из осенних дней в реку Москву войдёт и станет против Кремля какая-нибудь баржа под названием «Утренняя Заря»... Хрястнет из палубной пушки по Большому кремлевскому дворцу. И по этому сигналу с Красной площади через Спасские ворота ворвутся в Кремль толпы обездоленных, униженных и оскорбленных нынешней властью людей, все и всех сметая на своем пути. Они установят свою власть. И будет это власть народа - подлинная демократия... Шутка, конечно.

- Но об этом совсем не шуточно сейчас говорят и пишут открыто.

- Верно. Потому что не всё на Руси караси - есть и ерши... Только не приведи, Господи, дойти нам до бунта. Кровавого и беспощадного... Такого выхода не надо.

- А что же надо?

- Ты верующий? - спросил вдруг Яша. - В церковь ходишь?

- Хожу... По воскресениям, да по большим праздникам.

- Вот и я недавно вспомнил, что крещённый... Стал в храм ходить, с батюшкой нашим собеседовать.

- О чем?

- О разном. О чем и мы с тобой говорим... О том, что делать и с чего начать.

- А он что?

- Он говорит: начинать надо с себя. Сперва надо себя в порядок привести. Вот, говорит, ты в храм пришел, то и первый шаг к спасению души своей сделал. Ведь многие из нас предают веру своих отцов и дедов. Берут на себя иудин грех. А спасешься ты - спасутся и рядом с тобой. - Яша окинул взглядом небольшой зал пивного бара. - Я и здесь, может быть, выпиваю в последние раз.

- Что так?

- А завязываю с этим делом. Как-то на исповеди покаялся батюшке в своем грехе пьянства, а он мне сказал, что тот, кто пьёт, предаёт Россию. Я и задумался... Эх, голова моя не кочка, все о чем-то думает, да знать хочет.

- Говорят, что знания увеличивают грусть.

- Грусть - это неплохо. Лишь бы она не перешла в уныние. Уныние же - великий грех.

- Но как же не власть в уныние, когда видишь, что творится вокруг?

- А ты веру имей. Да не будь одинок. Ищи единомышленников, которые борются с теми, кто тайно и явно ведет войну против нас, русских, и нашего Отечества... И ещё вот что тебе скажу... Я когда-то преподавал русскую историю в здешнем политехе. Так с той поры запомнил слова историка Ключевского о нашем народе русском: «Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные силы и воплотит их в одном человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно историческую дорогу...» Так что отчаиваться не стоит. Вот я с тобой поговорил и мне легче стало. А дома меня ещё жена ждёт. Я обещал ей сегодня на ночь сказку почитать.

- Что, она у тебя в детство впала?

- Да нет. Просто в газете напечатано о том, что мы, пенсионеры, в будущем году станем жить лучше. Она у меня все-му верит и с улыбкой счастливой уснет. А я ещё долго не буду спать, всё думать буду.

Яша встал из-за стола и протянул мне руку.

- Ну, будь здоров. Спасибо за разговор-беседу. Даст Бог - еще встретимся, поговорим.

Я пожелал ему того же, и он пошёл к выходу.

Мне никуда идти не хотелось, и я направился к стойке бара, за которой уже улыбалась мне ясноглазая продавщица.

2005 год